

ВЛАДИМИР ХЛЫСТОВ

Следы на мостовой

Сборник стихотворений

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО

РОСТОВ-НА-ДОНУ

2016 г

ББК 97(2Рос-Рус)50
Х-171

Хлыстов В.Т. — Следы на мостовой —
Сборник стихотворений — Приложение к жур-
налу «ДОН_новый» — Издательство «Донской
писатель»: Ростов/Д, 2016 г. — 60 с.

ISBN 978-5-87612-088-X

© Хлыстов В.Т. 2016 г.
© ООО «Издательство «Донской писатель» 2016 г.

Листая

память

строк

Всё ниже солнышко
Тропой небесной бродит.
Короче день,
И всё длиннее ночь.
С листвой опавшей
Ветер хороводит,
То лихо закружит,
То вдруг умчится прочь.

Зачем тревожит он,
Бродяга одинокий,
Уснувшей прелести
Последний дивный сон?
Ведь не вернуть ему
Поры хмельной, далёкой,
Где был любим
И был желанен он.

Где в забытии она,
Дрожа от счастья,
Шептала страстно
Нежные слова,

И у обоих,
Сладко и опасно,
И ветрено
Кружилась голова.

Но всё ушло,
По лужам капли скачут.
Ведь мир жесток,
Всему приходит срок...
Нет, то не дождь,
То Ветер горько плачет
Былой любви
Листая память строк.

Случалось вам в далёком детстве
Под кроной дерева уснуть?
Проснувшись, сонно оглядеться,
Найти в траве дремучей путь,
Упасть в неё, раскинув руки,
Вдохнуть земли сенную прель,
Закрывать глаза и слушать звуки:
Гудки и жаворонка трель,
И дальний—дальний зов кукушки
Скупой, считающей года!
И вдруг понять, что жизнь — игрушка
Не насовсем, не навсегда.
Умыться горькими слезами,
Стремглав вскочить, бежать, бежать,
А добежав, уткнуться маме
В подол и трепетно молчать...
.....
С вершины лет в минуты грусти
Зову, ищу мальчонки след,
Что был готов на стон кукушки
Вскочить, бежать... Да следа нет!..

* * *

Над полями вешними,
Над рекой студёною
Низко—низко стелется
Голубой туман.
Я пройдуь, как в юности,
Тропкою зелёною,
И затянет в омуты
Памяти дурман.

Ночи звездопадные,
Разговоры складные,
Губ твоих нетронутых
Сладкая роса.
Шёлк волос рассыпчатый,
Платьице из ситчика,
Нежная, неброская
Девичья краса.

Вечерами тихими
Откружило вихрями
Время невозвратное
И умчалось вдаль...

Звёздами весенними,
Листьями осенними
Отлетает медленно
Дум моих печаль.

Стиснет одиночество,
И до слёз захочется
Окунуться памятью
В давние года...
Над уснувшей речкою
Тают звёзды свечками,
Где—то меркнет медленно
И моя звезда.

А я родился в пору сенокоса...

Страницы памяти рассеянно листая,
Я окунаюсь в давние года,
Где вижу поле без конца и края,
Сквозь дым летящие в пространство поезда...

Родился я в ту пору сенокоса,
Когда и воздух травами пропах,
И падали серебряные росы,
И застревали звёздами в стогах.

Наверное, с тех пор в душе осталась
Раздолья русского раздумчивая синь,
Степных рассветов утренняя алость,
Ветров осенних ноющая стынь.

И запах хлеба, и томленье тайной,
Когда зимой, усевшись у огня,
Рассказывала мама, как «случайно,
В горошке полевом» нашла меня.

Трещали в печке жаркие поленья,
Я весь, как птенчик, превращался в слух.
И так тепло у мамы на коленях,
И сладко так захватывало дух!

Скажи тихонько мне

Скажи тихонько мне,
А с чем любовь сравнить?
С мелодией волшебных струн гитары,
От сердца к сердцу протянувшей нить?
А может, с отголоском божьей кары
За давний грех, что ввек не отмолить.
Скорей скажи мне,
С чем любовь сравнить?

Ведь есть же вехи на пути крутом?
Ведь есть же на Земле любовь такая,
Что поднимает нас к вершинам рая,
В крошечный ад бросая нас потом!?
Круша надежду и судьбу ломая...
Ведь есть же вехи
На пути крутом?

Не мучь, скажи мне, с чем
ЛЮБОВЬ СРАВНИТЬ?
Быть может с пташкой, что в руке покорна.
Прижмёшь сильней, рискуешь задушить.
Чуть—чуть слабей—и упорхнёт проворно...
И нет ответа,
С чем ЛЮБОВЬ сравнить!..

Ты и твоя фотография

*Лицом к лицу
Лица не увидеть
С. Есенин*

Вот из жизни вырванная сценка...
Почему ж я ей совсем не рад?
На тебя взглянул с мужской оценкой
«Проходимец – фотоаппарат».

А фотограф, он неглупый малый.
Он, своей не чувствуя вины,
На листе цветной фотобумаги
Показал тебя со стороны.

Объектив, бездушный и прозрачный,
Красоту твою увидеть смог.
Я же рядом, как слепец незрячий,
Столько истоптал с тобой дорог

И не видел! На тебя, ТАКУЮ!!!
Я смотрю и тихо говорю:
«К объективу я тебя ревную.
Потому ревную, что люблю!»

Что—то выдались серыми дни,
Может, осень, а может, тревога,
Стылым небом прижата дорога,
По которой блуждают огни.
Меж собой незнакомы они,
Путь—дорога для них не подмога,
Отвернулась к стеклу недотрога...
.....
Что—то скучные выдались дни.

А улыбка твоя,
Как картиночка.
Но застыла в глазах
Грусть — грустиночка.
...Может, слёзы лились,
Может, капали?!.
Кулики пронеслись,
Сели на поле,
А потом — в небеса
Быстрым облаком...
А любовь—то прошла
Рядом, около.
А любовь—то прошла
По тропиночке.
Колют сердце теперь
Льдинки — льдиночки.
Да и стёжка быльём
Припорошена.
И застыла в глазах
Грусть непрошено.

Не мучь себя надеждой,
Мечтою не тревожь.
С тобою мы, как прежде,
Уже не выйдем в рожь.

Акаций облетели
Узорные листы,
Багряные метели
Засыпали кусты.

Дорогами степными
Гуляют ветерки,
И криками грудными
Зовут, манят гудки.

Но за гудками, ноя,
Душа не побежит.
Душа теперь с другою
И ей принадлежит.

А сердце? Сердцу мнился
Забывтый голос твой,
А разум заблудился
Меж сердцем и душой...

Не мучь себя надеждой...
Уйдут за дымку лет
Мечты, что были прежде,
И тот хмельной рассвет...

И лишь во снах, порою
Да в приступах тоски
О прошлом нам напомнят
Зовущие гудки.

Я смотрю на закат

Ярким стал горизонт,
Будто кто его кистью расцветил.
День промчался в делах,
И уже не вернуть ничего.
Я смотрю на закат,
Как он тих и прекрасен, и светел.
Я смотрю на тебя,
Ты светлей и прекрасней его.

Я тихонько грущу,
Наперёд, о несбывшемся лете.
Я лучистый твой взгляд
Пью по каплям, как листья росу.
Я тебя уведу в миражи,
Где никто нас не встретит.
Я тебя уведу,
Заманю, украду, унесу.

Нас отравит любовь
Сладострастной, дурманной отравой.
Заблужусь я в твоих,
Как туман, колдовских волосах.
И как нежная мать
Ночь постелет нам мягкие травы.
И, как свечки, зажжёт
Огоньки высоко в небесах.
Долго будут светить
Нам в ночи эти свечки—загадки.
Ты устало уснёшь,
Прикорнёшь у меня на груди.
Нас любовь увела,
Заблудила, сожгла без остатка.
И не скажет теперь,
Как назад нам дорогу найти.

Девушке стоящей у зеркала

Звёздный свет, устало догорая,
Новый день затеплит у окна.
Нарисуй—ка мне себя, родная!
Нарисуй, как можешь ты одна.

Ускользя из объятий ночи
И небрежно сбросив кокон сна,
Раскрывая дню навстречу очи,
Ты стоишь, воздушна и стройна.

Смуглых ног соединив колени,
Светом вдохновения лучась,
Ты кладёшь истому тонких теней
На окружье чуть припухших глаз.

Магию загадочного взгляда
Этих глаз, запахнутых светло,
Дополняет алая помада,
Влажных губ влекущее тепло.

Незадача! Не пойму процесса,
Потому тревожит непокой?!
Как! Из Золушки! Прекрасную принцессу
Ты творишь волшебною рукой?

С загаённой, тихой, светлой грустью
Я смотрю из лабиринта лет.
Разрешить задачу не берусь я,
У неё не сходится ответ.

Сдержан в чувствах. Внешне не волнуюсь.
Мне не след кружить на вираже.
Я тобой украдкой люблюсь
И теплей становится в душе.

Наваждение

Может, это твоё отражение
Колыхнулось в спокойной волне,
Может, глаз озорных выражение
Нежно тронуло струны во мне,

Так под сердцем заныло—заныло,
За опасный предел позвало...
Может, чудилось всё? Может, было?
Может, было, да сплыло давно!..

В сизой мгле, затихая, курлычат,
Пропадая из глаз журавли.
То ли плачут о ком? То ли кличут?
Не понять, не расслышать вдали.

Паутинка блестящею нитью
Проплывёт, не коснувшись лица.
Что же жду я? Какого события?
С новой вестью какого гонца?

Тот гонец не торопится к цели,
Понапрасну не гонит коня.
Может, вести давно устарели,
Может, просто жалеет меня.

Не жалей! За колючей метелью,
По весне прилетят журавли,
Возвращая с весенней каплейю
Жажду жизни, надежды мои.

Не будем ссориться

Давай не будем ссориться,
Обиды теребя.
До памятной околицы
Я провожу тебя.

Всем клятвам – сиротиночкам,
Наверно, вышел срок.
Ходили по тропиночкам,
Ты вдоль, я поперёк.

Да разве ж это главное?
И разве в этом суть?
Какое утро славное!
Какой искристый путь!

Смотри, как ввысь дорожкую
Весёлый вьётся дым.
Дай руку мне, ХОРОШАЯ...
От ссоры убежим!..

Как совместить
В одной натуре
Все три желания твои:
Душе — покоя,
Телу — бури,
А сердцу — трепетной любви?

Говорите добрые слова!
Их дарите с доброю улыбкой,
Жизнь порой такой бывает зыбкой,
Хоть и в этом качестве права.

Говорите добрые слова,
Пусть они другие души греют.
Может люди станут чуть добрее,
Доброта, она всегда права!

Говорите добрые слова!..

**Пишу в раздумье
сам с собой**

Влюблённые!
В себе найдите силы,
Когда неправы,
В ком гордыню смять.
Не бойтесь слов,
Душевных и красивых,
Чтоб навсегда любовь
Не потерять!

Как после шторма
В радость острова
Отчаявшимся вновь
Увидеть сушу,
Так сказанные
Вовремя слова
На краешке судьбы
Спасают чью—то душу!..

Ощущение времени

Качает маятник качели
Назад — вперёд, назад — вперёд.
Мы много в жизни не успели,
А сердце жжёт.

Мы не успели оглянуться —
Дела, дела.
А в юность больше не вернуться,
Она ушла!

Как будто вязнем в липком тесте
По вечерам.
Нас тянет быть и в этом месте
И где—то там!

Чего—то ждём в смешной надежде:
Оно придёт!?
А маятник снуёт, как прежде,
Назад — вперёд, назад — вперёд,
Назад — вперёд...

Зябнет небо

По тропинкам, по дворам бродит осень.
Стынет зябко по утрам неба просинь.
И стрижей давно уж нет, улетели.
И полей сменился цвет, пожелтели.

Уж совсем недалеко бабье лето.
Мне и грустно, и легко. Что же это?!
Вроде повода грустить нету, братцы!
Мне бы впору пошутить, посмеяться.

И девчонка мне вчера улыбнулась...
Только небо пеленой затянулось.
Не понять, в какую даль мчатся тучи?
Может, хуже, что печаль, может, лучше.

И сомнения меня одолели.
Поскорее бы зима, в самом деле.
А за нею, после сна, да с капелью,
Вновь пожалует весна с птичьей трелью.

Заиграет тут любовь, забушует.
И голубку голубок зацелует!
А пока, горя как медь, зябнет небо.

.....
Мне бы душу отогреть! Мне бы... Мне бы...

Ностальгия

Степной простор, дорога, в жизнь бегущая,
За сизой пеленой задумчивых берёз.
Неясная печаль, за сердце вдруг берущая,
Забытые места, где я когда—то рос.

Притихший двор, тропинка сиротливая,
По прихоти моей не ставшие судьбой.
В сединках женщина, когда—то мной любимая,
Мне, незнакомому, кивнула головой.

Мой край родной! Зов юности туманной!
Ты влѣк меня к себе, как снег влечѣт пургой.
Зачем пришѣл к тебе, неузнанный и странный,
Не свой и не чужак, не сын и не изгой?!

.....
И как же вышло так, нескладно и негоже,
Что я пришѣл к тебе, как странник,
как прохожий?!

Невозвратимое

Помню, было! Взрыв негодования.
Не враги же, всё—таки семья.
Рухнул мир в тисках непонимания
И ушёл, не оглянувшись, я.

Юн, горяч, настырный и упрямый...
Вижу сквозь туманные дожди:
Всё бежит, бежит за мною мама,
Всё кричит: «Сыночек! Подожди!»

Время шло и путано, и прямо,
Прибавлялась седина в пути.
В забытыи шепчу сегодня: «Мама!
Ты прости меня!.. Нелепого!.. Прости!..»

Нет ответа... Тишина на взгорке...
Лишь качнёт пожухлую травой
Стылый ветер
и заплачет горько
Над моей беспутной головой.

Старые фотографии

Пишу стихи не для печати.
Пишу в раздумье сам с собой
О той дороге за плечами,
О тех следах на мостовой,
К которым не вернуться больше
В других, далёких городах,
Где с фотографий тусклых, прошлых
Глядим неведомо куда,
С друзьями, юны и счастливы,
Остановив мгновенья миг.
Судьбу свою прозреть не в силах,
Глядим сюда, в далёкий мир.
В наивной вере и надежде,
Что будет он для нас светлей,
Немного ласковей, чем прежде.
Немного чище и добрей.
Мой образ юный, как ведётся,
Глядит с усмешкой на меня .
В глазах вопрос: «Ну, как живётся
За кромкой завтрашнего дня»?!

Звезда мерцает за окном,
Как у иконы свечка.
— Ушла любовь! Ушла любовь!—
Твердит сверчок за печкой.
— А было всё волшебно так,
А было всё так мило!
— Тебе почудилось, дружок,
ОНА не приходила!

У безымянного холмика

С тоской пытаю
Свой рассудок строгий:
— А для чего людская маета?
Ну, для чего?!
Когда в конце дороги
Ни камня! Ни могилы! Ни креста!

Окрепнут журавли
и встанут на крыло
Искать в краях иных
прокорм себе и долю.
Но будет вечно звать
родимое село,
Где каждый в первый раз
познал простор и волю.

Может, журка отставший курлыкнул ,
Может, просто куражится бес,
Только чудится, кто—то окликнул
Из—под низких осенних небес.

Металлургический щенок

Трубопрокатный. Вдоль рольганга
Несётся с грохотом труба.
Опасная, как дуло танка,
Неудержима и груба.

Она калечит звуки, уши,
Гремя на грани децибел.
Не помогают ни беруши
И ни наушники тебе.

Чумазый, ты похож на чёрта.
Хлебнуть выходишь тишины,
Где надпись на «Доске почёта»:
«Ты умножаешь мощь страны!»

А следом, семена ногами,
Рождённый, где визжит станок,
Измазанный во рже и гари,
Металлургический щенок.

Но, ослеплённый светотенью
И оглушённый тишиной,
Пугливо подогнув колени,
Он стал, как вкопанный, за мной.

И не заметив птичье пенье,
Как будто услыхав «Ату!..»
Он убегает, как в спасенье,
В грохочущую темноту.

И жизнь идёт вразрез со смыслом.
Здоровье «вредностью» губя,
Ловлю себя на горькой мысли:
Мне жаль его, а не себя.

Дрофы

Они летели низко – низко
Над остывающей стернёй.
Манили звёзды светом близким,
Суля блаженство и покой.

Во тьме их коршун не заметит,
Тупой свинец не ранит в грудь,
И утром тёплым солнце встретит
В краю, где будет кончен путь.

Так, уходя от стужи лютой,
В степи, прощальный сделав круг,
Презрев границы и валюты
Летели дрофы, курсом – юг.

Беды не ждут из дальней дали.
И вряд ли каждый к ней готов.
Ударили из тьмы по стае
Тугие струны проводов.

Погибель жало обнажила,
Небес померкла красота.
Ломались крылья, рвались жилы,
К земле тянула пустота...

А утром люди из посёлка,
Собрав негаданный трофей,
Пикник устроили весёлый,
Удаче радуясь своей.

.....

.....

Так мы порой, в сердечной стуже,
Творим опаснейший маршрут,
Где наши скомканные души
Чужие руки подберут.

Когда орлы степные
На курганы
В когтистых лапах
Дичь свою несут,
Когда кровавые
Уже дымятся раны,
Мольбы и стоны
Жертву не спасут.

Всего на миг
Беспечной оказалась,
А может быть,
Игрою увлеклась,
С небес безжалостных,
Карающе, сорвалась
Когтей и клюва
Гибельная власть.

В миг роковой,
Когда накрыло тенью,
И вихорь вдруг
От мощных крыл возник,

Крик ужаса
Застыл в степи весенней.
Защитой зыбкою
Последний в жизни крик.

Степь равнодушная
На крик не отозвалась.
Курганы спали,
Плыли облака.
И только мне
Навязчиво казалось,
Что хищный взгляд за мной
Следит издалека!

О добре и зле

Не боюсь я ни буйных, ни пьяных,
Вызывают они только грусть.
А боюсь исполнительно—рьяных
И бездумно активных боюсь.

Я боюсь ту святую старушку,
Что, в слепой своей вере права,
Как монеты в церковную кружку,
Подносила для казни дрова.

Сколько было их? Верных и правых,
Убеждённых в своей правоте!..
Что в бокал подсыпали отраву,
Распинали Христа на кресте.

И от имени тех поколений,
Что придут, во всемирный костёр
Отправляли людей, как поленья,
О «высоком» ведя разговор...

Всех безвинных нетленные тени,
В мир взывая, безмолвно кричат:
«Кто даст мудрость, и есть ли тот гений,
Чтобы зло и добро различать?!»

Всё тщета. Ни мудрец и ни гений
Не научат природе назло.
И из добрых своих побуждений
Мы творим потихонечку зло!

Предзимье

А под колёсами вращается Земля,
Щемящий свой пейзаж,
 как язвы, обнажая.
Убогие лачуги и поля,
 сухой камыш!..
Земля моя родная...
Тебя нельзя без боли
 не любить.
Так дети любят мать
 порой за то, что мама.
Жизнь за неё готовы положить,
Хоть рядом с ней
 настырны и упрямы...
И то сказать:
 сумбурный мы народ.
И это испокон,
 как тень, бредёт за нами,
То в шлюпке океан
 пройдём, как речку вброд...
То захлебнёмся вдруг
 в невыпитом стакане!..

Шалый ветер

В пространстве других измерений

Опять идут дожди,
Опять в печали небо,
И низко над землёй,
Как глыбы, облака.
А где—то далеко,
Где взгляд ни разу не был,
Пространство без границ,
Безвременья река.

Там нет ночей и дней,
Там звёзды светят вечно.
Там холод ледяной,
Там ад густой жары,
Практически равны
Там нуль и бесконечность,
Там свёрнуты в жгуты
Огромные миры.

А дальше, может быть,
Пространственной картинкой,
Как в зеркале большом
Наш отразился быт.
Который день грустит
Там чья—то половинка,
Идут у них дожди,
И вновь она грустит.

Имя твоё неизвестно...

А говорят: «Москву спасла икона!»
На звёздных крыльях рея в облаках,
Она врага крестатые знамёна
Небесной силой повергала в прах.

Багрили снег свинцовые метели...
А где—то там, за гибельной чертой,
Не в танках... в крематориях горели
Забывтые вождями и страной.

Сдержав собой удар железной силы,
Растрезанные в огненных котлах,
Пропали без вести, оставшись для России
Виновными во всех её грехах.

Приняв свой крест из рук судьбины лютой,
Их души к нам спешат из дальних мест.
Но не для них гремят в стране салюты.
Не им играет духовой оркестр...

Лишь матери с надеждой воспалённой
В закат пылающий глядят из—под руки.

Им грезится: волнуется знамёна!
Пропавших без вести смыкаются полки!...*

В минуту скорби пусть поникнут флаги!
Почтим прошедших этот страшный путь,
Где гибель, плен, концлагеря, гулаги,
Заказан путь домой и чести не вернуть!**

Уж многих старше сыновья и внуки,
И, выплакав глаза, ушла старушка—мать...
Они такие выстрадали муки,
Что с них иконы стоило б писать!

Нам всех уже не вспомнить поимённо.
За павших и пропавших будем жить!
Нам говорят: «Москву спасла икона!»
А с душами безвестных как нам быть?!

* (...из юношей, родившихся в СССР в 1923г. лишь 3% дожили до конца войны...) ж. «Наука и жизнь» №3, 2005г.

**Приказ Наркомата обороны СССР №270 16 августа 1941г. ...арестовывать семьи попавших в плен командиров и политработников, а семьи пленных бойцов лишать государственной помощи...

Шалый ветер

Шевелит верхушки ветер шалый,
По воде морщинками кружит.
За осокой спит солдат бывалый,
В неудобной позе он лежит.

А тому бывалому солдату
От роду не больше двадцати.
Свой оставил край, покинул хату,
Далеко от них успел уйти.

В стороне простреленная каска —
Та, в которой головой поник.
И, как мать шептала на ночь сказку,
Шепчет колыбельную тростник.

У какой он речки — неизвестно,
У каких тоскующих раки...
Не успела подрасти невеста,
А её жених уже убит.

Не читать им вместе детям книжек,
Не свершить заветные дела.
Сколько ж нецелованных мальчишек
Ты, страна моя, не сберегла?!

Над могилами братскими...

Над могилами братскими
Чутко спит тишина,
Что сердцами солдатскими
От войны спасена.

Здесь навеки зажжённое
Пламя лижет гранит,
И листва обновленная
По весне шелестит.

Обелисками строгими
Тополя в высоту,
Как солдаты суровые
На почётном посту!..

Комбат

Б.В.Громову

Афганистан. Гвардейский полк.
Ревут на взлётке самолёты.
Их заполняет, зная толк,
Бегом крылатая пехота.

Машина в воздухе плывёт,
Сигнал пилота: «Цель под нами!»
И в пропасть гвардия идёт,
Во мрак судьбы, вперёд ногами!

Но оцетинилась гора
В рассвет летящими огнями,
Как смерти «чёрная дыра»
Для тех, кто был под куполами.

Так что ж десант?!... Мешки с песком
Под парашютами летели,
Свою задачу видя в том,
Чтоб только обозначить цели.

Комбат жалел своих солдат,
Не бросил их на пулемёты,
И пушки залпами крушат
Несокрушаемые доты.

Он не вдогонку их жалел,
Когда лишь холмики да каски.
Жалел—берёг для мирных дел,
Для жизни, для любви, для ласки!

Он знал: их мамы дома ждут
В краю далёком, там, в России,
Года слагая из минут,
С тревогой думая о сыне.

Как мог, хранил по мере сил,
Он был комбатом, а не Богом,
И павших шрамами носил
На сердце трепетном и строгом.

.....
Он был для них отцом и братом.
Легко ль родных терять в бою?
Я перед гвардии комбатом
Склоняю голову свою!!!

Рассказ бывшего разведчика

*« А если что не так, не наше дело.
Как говорится «родина велела»
Как славно быть ни в чём не виноватым,
Совсем простым солдатом, солдатом.
Булат Окуджава.*

Вот—вот уже конец войне,
Но жалость всё же не в цене!..
Мне командир суровый дал приказ:
— Немедля пленного в расход,
А нам вперёд, а нам в поход,
Жизнь на войне не требует приказ.

И я его повёл к реке,
Играло солнце вдалеке,
И до того пейзаж спокоен был окрест!
Шептались лозы ивняка,
Тверда с оружием рука,
Но на душе, но на душе тяжёлый крест.

Когда б мы брали языка,
То я б его наверняка,
Там я и он, и кто кого, и чья возьмёт.
Ну, а сейчас мы не в бою,

Я палачом пред ним стою,
Ну, а его, как и меня, ведь кто—то ждёт.

Конечно, были мы враги,
Но крикнул я ему: «Беги!»
И кверху резко вскинул ППШ.
Летели пули в белый свет...
Свершив евангельский завет,
Я возвращался в роту молча, не спеша.

В небытие ушли года,
Как с пальцев талая вода.
Закончил свой круговорот двадцатый век.
Росли и дети, и семья,
Но много позже понял я,
Я был солдат, простой солдат...
но ЧЕЛОВЕК.

Три дороги

Провожала мать сыночка в дальний путь,
Со слезами ему падала на грудь.
Три дорожки у сыночка, три судьбы,
Только мамке всё мерещатся гробы.

Как по первой по дороженьке пойдёт,
К супостату в плен позорный попадёт.
И взмолилась мать: «О, Боже! Упаси!
От позора ты кровиночку спаси»!

Как пойдёт он по дороженьке второй,
На жестокий, на неравный смертный бой.
В том бою жестоком будет он убит.
Только сыч—плакун, рыдая, прилетит.

И взмолилась мать: «О, Господи, спаси!
И такую чашу мимо пронеси!
Не прогневайся! О, Боже, Боже мой!
Пусть изранен, пусть контужен, но живой»!

Были раны, и атаки, и снега.
На дорожке третьей бил сынок врага.
Был контужен, медсестричкой был спасён,
Только сердце у неё оставил он.

Стихнул грохот, грохот пушек громовой,
Воротился сын с победою домой.
И с победой, и с невестой... видит Бог...

.....
Да не все вернулись к мамкам с тех дорог!

Уходят ветераны

Суровые насупились курганы,
Не нарушая строгой тишины,
По одному уходят ветераны —
Последние герои ТОЙ войны.

Всегда держали чётко строй походный.
Бунтует ум, не верится ему!
Ведь там, где раньше шли они повзводно,
Теперь они идут по одному.

На их судьбу сполна хватило лиха.
Не все смогли вернуться с ТОЙ войны.
Они уходят медленно и тихо.
Защитники! Заступники! Сыны!

Сыны страны, ей верные до вздоха.
Кто спас её в годину лютых бед...
Уходит потихонечку ЭПОХА!..
И мы ей виновато смотрим вслед!

Содержание:

Листая память строк

«Всё ниже солнышко...»	4
«Случалось вам в далёком детстве...»	6
«Над полями вешними...»	7
А я родился в пору сенокоса	9
Скажи тихонько мне	10
Ты и твоя фотография	11
Что-то выдались серыми дни	12
«А улыбка твоя...»	13
«Не мучь себя надеждой...»	14
Я смотрю на закат	16
Девушке стоящей у зеркала	18
Наваждение	20
Не будем ссориться	22
«Как совместить...»	23
«Говорите добрые слова...»	24

Пишу в раздумье сам с собой

«Влюблённые!...»	26
Ощущение времени	27
Зябнет небо	28
Ностальгия	29
Невозвратимое	30

Старые фотографии	31
«Звезда мерцает за окном...»	32
У безымянного холмика	33
«Окрепнут журавли и встанут на крыло...»	34
«Может журка отставший курлыкнул...»	35
Металлургический щенок	36
Дрофы	38
«Когда орлы степные...»	40
О добре и зле	42
Предзимье	44
Шалый ветер	
В пространстве других измерений	46
Имя твоё неизвестно	47
Шалый ветер	49
Над могилами братскими	50
Комбат	51
Рассказ бывшего разведчика	54
Три дороги	56
Уходят ветераны	57

Владимир Терентьевич Хлыстов
СЛЕДЫ НА МОСТОВОЙ

Сборник стихотворений
Приложение к журналу «ДОН_новый»

В авторской редакции
Верстка и оформление *Д. Зяблицкой*
Директор издательства *А. Береговой*
Издательство Литературного фонда России
«Донской писатель»
344002, Ростов-на-Дону,
ул. Серафимовича 89/94
т.ф. 8(863) 292-78-03; 8-918-599-67-51;
9-918-854-80-59
e-mail: donpisatel@yandex.ru

Подписано в печать 06.06.2016 г.
Формат 60x84 1/32 Объем 3,5 у.п.л. 60 стр.
Обложка картон глянцевый. Тираж 200 экз.
Гарнитура Times New Roman

Издательство «Донской писатель» предлагает заказчикам низкобюджетные приложения к журналу «ДОН_новый», несущие в себе все нормативы полноценной книги.

Владимир Терентьевич Хлыстов родился в 1944 году на Кубани. С 1961 года проживает в г. Таганроге.

Увлекается поэзией с ранних лет, в юности стал сам пробовать писать стихи. Это были лирические зарисовки, размышления о счастье, о дружбе, о смысле жизни.

В Таганроге В. Хлыстов окончил радиотехнический институт, создал семью.

В зрелом возрасте Владимир всерьёз обращается к поэзии. Появляются басни, любовная лирика, стихи о родной земле. Он – автор сборников стихов «Качает маятник качели», «Постижение истины», «Кружит белая грусть», «Лирика», изданных под псевдонимом Влад Терентьев.

В новой книге Владимира Хлыстова собраны его лучшие лирические и философские стихотворения.